

Мишпаха.

Часть
2.
Сургут

Ян Митчук

18+

Ян Митчук

Мишпаха. Часть 2. Сургут

«Автор»

2026

Митчук Я.

Мишпаха. Часть 2. Сургут / Я. Митчук — «Автор», 2026

Продолжение приключений Михаила и Гершеля, и как они выдавливали азербайджанцев и чеченцев с рынка наркотиков и мира криминала в Сургуте конца 90-х и начала нулевых.

© Митчук Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ян Митчук

Мишпаха. Часть 2. Сургут

Глава 1.

Город жил своей обычной зимней жизнью: дымили трубы ГРЭС, скрипел снег под ногами вахтовиков, у магазинов тёрлись бездомные собаки, а по проспекту Ленина медленно ползли чадающие «УАЗы» и редкие чёрные иномарки. Мороз стоял под тридцать пять, и воздух казался стеклянным.

В баре «Берлога» на улице Островского было тепло, шумно и душно. Заведение считалось нейтральной территорией: сюда заходили и менты, и коммерсанты, и братва, и просто работяги с нефтяных промыслов, которым после вахты хотелось выпить водки и забыться. Пахло дешёвым табаком, жареным луком и мокрыми полушубками.

Телевизор над барной стойкой работал без звука, но в восемь вечера бармен по кличке Гусь — мужик лет пятидесяти с золотой фиксой и наколками на пальцах — прибавил громкость. На экране появилась заставка местных новостей: жёлтая эмблема «Сургут-ТВ» под тревожную музыку.

— Тихо! — рявкнул Гусь. — Сейчас про Иваныча скажут.

В зале действительно стало тише. Даже пьяные за дальним столиком перестали стучать стаканами. На экране появилась молодая дикторша в синем пиджаке, с причёской, какие носили ещё в начале девяностых. Она смотрела прямо в камеру и говорила сдержанно, но с плохо скрываемым волнением.

Дикторша: «Сегодня в Сургуте задержан полковник милиции Иван Николаевич Баймашкин. По данным пресс-службы УВД, он подозревается в превышении должностных полномочий, создании устойчивых связей с представителями организованных преступных группировок и получении взяток в особо крупных размерах. Полковник Баймашкин работал в Сургуте с тысяча девятьсот девяносто второго года. За это время он курировал борьбу с организованной преступностью и, по неофициальным данным, контролировал значительную часть теневого рынка города».

На экране замелькали кадры оперативной съёмки: здание УБОП, милицейские машины с мигалками, оцепление у входа. Потом показали коридор, по которому вели крупного мужчину в расстёгнутом кителе. Баймашкин шёл спокойно, даже слегка улыбался, будто не под конвоем, а на прогулке. Его глаза цвета старого цинка, чуть седые волосы были коротко пострижены, лицо — тяжёлое, обветренное, с глубокими морщинами.

Дикторша продолжила «Во время обыска в кабинете полковника сотрудниками службы собственной безопасности были обнаружены предметы, происхождение которых следствию ещё предстоит установить. По предварительным данным, среди изъятого — связка ключей от танка Т-34 и ручной противотанковый гранатомёт».

В зале кто-то громко хмыкнул. За столиком у окна, где сидели четверо крепких мужчин в кожаных куртках, раздался смешок.

— Ключи от танка! — произнёс один из них, и в голосе его было больше уважения, чем насмешки. — Ну, Иваныч даёт.

Дикторша тем временем перешла к официальным комментариям: Дикторша: «По словам начальника УВД, задержание полковника Баймашкина стало результатом многомесячной разработки. Следствие полагает, что именно при его участии в городе сформировалась система так называемого полицейского прикрытия, позволявшая криминальным структурам беспрепятственно действовать на территории Сургута и Сургутского района».

Камера снова показала Баймашкина. Теперь он стоял у милицейского воронка. Кто-то из журналистов выкрикнул вопрос, но полковник лишь махнул рукой, как от назойливой мухи. Потом он наклонился к самому уху конвоира и что-то негромко сказал. Конвоир дёрнулся и побледнел. Гусь за стойкой хмыкнул:

— Сказал небось: «Не ссы, сынок, ещё вернётесь ко мне за помощью».

В баре снова стало шумно, но как-то нервно. Люди переглядывались, шептались. Многие в этом городе знали, кто такой Баймашкин, и понимали, что его арест — не просто «очередная посадка оборотня в погонах». Это был знак.

В просторной квартире на проспекте Мира, обставленной тяжёлой мебелью и устланной коврами, было тихо. Аслан Рагимов сидел в кресле перед телевизором и смотрел новости в повторе. На низком столике перед ним стоял стакан крепкого чая с чабрецом, но он к нему так и не притронулся. Рядом, скрестив руки на груди, стоял Тимур — правая рука Аслана, бывший борец, молчаливый и преданный, как пёс. Телевизор снова показал Баймашкина. Аслан подался вперёд, вглядываясь в лицо полковника.

— Слышишь, Тимур, — произнёс он негромко, — ключи от танка. Это же Иван Николаевич. Он ещё в девяносто втором, когда приехал, сразу сказал: «Буду строить тут порядок». А у самого, видишь, ключи от войны остались.

Тимур молчал.

— Он не просто мент, — продолжил Аслан. — Он человек из старого мира. Такие, как он, не предадут. И не сдаются.

Аслан взял со стола пачку сигарет, закурил. Выпустил дым в потолок.

— Если уж такие люди пошли под статью, значит, наверху решили всё поменять. Старую крышу сняли, новую приведут. Он замолчал, глядя, как на экране дикторша снова повторяет про гранатомёт.

— Кто придёт, как думаешь? — спросил он наконец.

Тимур ответил коротко: — Чужие. Аслан усмехнулся: — Чужие... Ну да. Чужие придут и скажут, что теперь мы должны жить по их правилам.

Он потушил сигарету и встал. Подошёл к окну. Ночной Сургут лежал под снегом, в жёлтом свете фонарей, как застывшая декорация.

— Завтра поедешь по точкам, — сказал Аслан, не оборачиваясь. — Скажешь нашим: пусть не дёргаются. И пусть на всякий случай почистят всё лишнее. Мы не знаем, кто ещё за Иваном пойдёт.

— Понял, — ответил Тимур.

Аслан ещё долго стоял у окна. Где-то вдалеке, за рекой, горели огни нефтяных факелов.

В тот же час в трёхкомнатной квартире на улице Дзержинского, арендованной через подставное лицо, за столом сидели двое. Михаил Лернер(он сменил фамилию, после событий первой книги), невысокий, худощавый, с аккуратной бородкой и в дорогих очках, смотрел выпуск новостей на маленьком телевизоре «Грюндик». Рядом, развалившись в кресле, Гершель Кац(тоже сменил фамилию) лениво крутил в руках стакан с виски. Он был мощным, лысоватым, с руками, похожими на кувалды. Запись уже закончилась, но Лернер перемотал кассету и снова включил момент с Баймашкиным. Тот стоял у «воронка», щурился от света камер и улыбался краем рта.

— Вот он какой, — произнёс Михаил задумчиво. — Легенда Сургута.

Гершель хмыкнул: — Легенда с ключами от танка. Ты веришь в эту чушь?

— Не важно, верю я или нет, — ответил Лернер, выключая телевизор. — Важно, что в это верит весь город. Люди любят мифы. А мы с тобой, Гершель, приехали сюда не мифы рассказывать.

Он встал, подошёл к окну и раздвинул штору. За стеклом, в свете фонарей, медленно падал снег.

— Ты помнишь, зачем мы здесь? — спросил Лернер.

— Помню, — буркнул Гершель. — Подмять город. Сделать из него конфетку. И заработать.

— Не просто заработать, — поправил Лернер. — Сделать так, чтобы через пять лет без нас тут не то что нефть не качали, а даже мусор вывезти не смогли.

Гершель допил виски одним глотком и поставил стакан на стол.

— Ну, Баймашкин нам больше не помешает. Это уже хорошо.

— Это, — Михаил поднял палец, — даже не половина дела. Главное — аккуратно убрать тех, кто остался. Азербайджанцы, чеченцы... Они пока сильны, но уже боятся. А страх, Гершель, делает людей глупыми.

Он улыбнулся.

— Так что завтра начнём.

— С кого? — спросил Гершель.

— С Аслана, — ответил Михаил. — Он самый умный. А умных убирают первыми.

Гершель усмехнулся, размял шею до хруста:

— Ну, наконец-то. А то я уже заскучал.

За окном завыл ветер. Где-то во дворе хлопнула дверь подъезда, и в морозном воздухе разнёсся лай бродячих собак.

Глава 2.

Сургут, февраль 1998 года. Улица Дзержинского, офис «Сургутнефтегазстройсервис».

Вывеска была новая, пахла свежей краской. Табличка из чёрного пластика с золотыми буквами сообщала, что здесь располагается «Консалтинговое агентство Сфера». Офис занимал весь первый этаж бывшего здания райкома комсомола — символично, как любил говорить Михаил Лернер. Молодёжь ушла, пришли люди с деньгами. Внутри было тепло, пахло кофе и каким-то дорогим освежителем воздуха. В приёмной сидела секретарша — девица с неестественно белыми волосами и ярко-красными губами, которая старательно делала вид, что печатает на компьютере. На самом деле она просто щёлкала клавишами и боялась поднять глаза. В кабинете Лернера, просторном, с кожаным диваном, столом красного дерева и картиной «Девятый вал» на стене, сидели двое мужчин. Михаил Лернер, в белой рубашке, с закатанными до локтей рукавами, пил зелёный чай из тонкой фарфоровой чашки. Гершель Кац сидел напротив, закинув ногу на ногу, и рассматривал пистолет Макарова, который держал на колене. Оружие он купил на следующий день после приезда — без лицензии, разумеется, но в Сургуте тогда это решалось за три часа и пару сотен долларов.

— Ну что, Гершель, — Лернер отпил глоток, — тебе не кажется, что в этом городе слишком тихо для тех денег, что тут крутятся?

— Кажется, — кивнул Кац. — Тишина — это плохо. Значит, все деньги уже пристроены.

— Именно, — Лернер поставил чашку на блюдце. — И пристроены они не туда.

Он поднялся, подошёл к окну и задумчиво посмотрел на заснеженную улицу. Люди шли, сгорбившись от мороза, прятали лица в воротники. Двое бомжей жгли костёр возле мусорных баков. На остановке тёрлись друг о друга пьяные вахтовики.

— Знаешь, что я понял за эти годы? — спросил Лернер.

Гершель не ответил, только хмыкнул, продолжая вертеть пистолет.

— Люди в мире не любят чужаков, — продолжил Лернер. — Но ещё больше они любят порядок. Порядок и деньги. Если дать им и то, и другое, они сдадут тебе кого угодно.

— Красиво говоришь, — усмехнулся Гершель. — Но Аслан — не люди. Аслан — это зверь. Он с тобой разговаривать не станет. Он сразу стрельнёт.

— Возможно, — спокойно ответил Михаил. — Поэтому разговаривать с ним будешь не ты, а я.

Гершель наконец оторвал взгляд от пистолета.

— Ты? — переспросил он. — Миша, ты ж не боец. Он тебя одной рукой ломает.

— А я и не собираюсь с ним драться, — улыбнулся Лернер. — Я собираюсь ему предложить то, от чего он не сможет отказаться.

— И что же это?

— Возможность остаться в живых.

В этот момент в дверь постучали. Лернер кивнул Гершелю, тот быстро сунул пистолет под пиджак. В кабинет заглянула секретарша.

— Михаил Борисович, к вам посетитель. Из администрации.

— Пусть войдёт, — сказал Лернер.

В кабинет шагнул человек лет сорока пяти, в дорогом, но мятом костюме, с портфелем из кожаменителя и лицом человека, который уже три дня не спал, потому что думал, куда переложить ответственность. Это был Дронов Семён Аркадьевич — заместитель начальника управления по борьбе с экономическими преступлениями при УВД Сургута. По кличке Самовар — за красное лицо и привычку пыхтеть в разговоре.

— Михаил Борисович, — с порога начал Дронов, — добрый день. Я по поводу недавних событий.

— Садитесь, Семён Аркадьевич, — Лернер указал на стул напротив.

— Чаю?

— Нет, спасибо, — тот сел, нервно одёрнул пиджак. — Мне бы поконкретнее. Что у вас за планы? Потому что после ареста Баймашкина в городе бардак. Все боятся, все дёргаются. Нужно понимать, кто теперь будет... гм... рулить.

Лернер посмотрел на Дронова долгим, изучающим взглядом, от которого у того вспотел лоб.

— Руль, Семён Аркадьевич, — произнёс Лернер, — останется у вас. У милиции то есть. А мы — скромные консультанты. Поможем вам с оптимизацией.

— Какая, к чёрту, оптимизация?! — Дронов перешёл на сдавленный шёпот. — Тут вчера на рынке снова перестрелка. Азербайджанцы с чеченцами чудом не поубивали друг друга. Если так пойдёт — полыхнёт так, что Москва заметит. А заметит Москва — пришлют роту, и всё, конец.

— Вот именно, — Лернер сел напротив, положил руки на стол. — Поэтому мы и предлагаем вам сотрудничество. Вы нас прикрываете, мы наводим порядок. Рынок переходит под наш контроль, стрельба прекращается, отчёты у вас чистые, город живёт спокойно. Все довольны.

Дронов замер. В его голове явно крутились цифры, ставки, риски. Он дёрнул щекой.

— А если я откажусь? — спросил он.

— Тогда завтра к вам придёт другой человек, — Лернер пожал плечами. — Из прокуратуры. И спросит, куда вы дели три миллиона рублей, выделенных на ремонт облздравотдела.

В комнате повисла тишина. Даже Гершель перестал ухмыляться. Дронов сглотнул.

— Откуда вы...

— Не важно, — перебил Лернер. — Важно, что я умею хранить секреты. Но только пока мы работаем вместе.

Дронов вытер лоб ладонью и кивнул.

— Я вас понял, — сказал он тихо. — Что нужно от меня?

— Пока — ничего. Просто не мешайте. И предупредите своих, чтобы не лезли в наши дела. Особенно тех, кто был близок к Баймашкину. Нам не нужны лишние жертвы.

— А кто будет следующим? — спросил Дронов.

— Аслан, — ответил Лернер. — Но не спешите, Семён Аркадьевич. Сначала мы поговорим.

Дронов ушёл, оставив после себя запах перегара и тревоги. Гершель подошёл к окну, посмотрел, как тот садится в служебную «Волгу».

— Продаст, — сказал Кац.

— Конечно, продаст, — согласился Лернер. — Вопрос только, когда. Поэтому с ним нужно держать ухо востро.

— А с Асланом что? — спросил Гершель.

— А с Асланом, — Лернер допил чай, — у нас будет встреча. Завтра. На нейтральной территории.

ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ: САУНА НА ОКРАИНЕ ГОРОДА Аслан парился в одиночестве. Он сидел на верхней полке, обмотанный простынёй, и смотрел на камни. Пахло эвкалиптом и берёзовым веником. Тимур стоял у входа, скрестив руки.

— Кто приходил? — спросил Аслан, не оборачиваясь.

— Дрон через своего человечка передал, что у нас гости из Москвы. Сидят на Дзержинского. Офис у них какой-то, вывеска «Сфера».

— Знаю, — кивнул Аслан. — Это Лернер и его цепной пёс. Я про них ещё в Москве слышал. Опасные.

— Они уже сунули нос к ментам, — сказал Тимур. — Самовар к ним ездил.

— Значит, купили, — спокойно произнёс Аслан. — Ладно. Пусть попробуют. Он спустился с полки, облился холодной водой, крикнул.

— Завтра я хочу увидеть этого Лернера. Передай ему: пусть приходит в ресторан «Север» в семь. Один. Если с ним будет его головорез — разговора не будет.

— А если не придёт? — спросил Тимур.

— Придёт, — усмехнулся Аслан. — Он хочет красиво войти в город. А красиво войти можно только через меня.

Глава 3.

Ресторан «Север» был местом особенным. Его построили ещё в конце восьмидесятых, когда в Сургут потекли первые большие нефтяные деньги, и с тех пор он не менялся: тяжёлые деревянные кресла, обшитые тёмно-бордовым плюшем, ковры на стенах, медные канделябры и огромная люстра из чешского хрусталя, дрожавшая при каждом ударе бильярдных шаров в соседнем зале. Здесь гуляли свадьбы, обмывали вахтовые премии, справляли поминки, а по вечерам, когда город накрывала тьма, за дальним столиком у окна, прикрытым тяжёлой портьерой, решались вопросы, от которых зависело, кто завтра будет спать спокойно, а кто — нет. В семь часов вечера Аслан уже сидел за этим столиком. Он был одет неброско: чёрный свитер, тёмное пальто, на запястье — старые командирские часы с поцарапанным стеклом. Перед ним стоял графин с водкой, пара рюмок и тарелка с нарезанным лимоном, посыпанным сахаром. Аслан курил, медленно выпуская дым в сторону окна, и смотрел на входную дверь. Тимур и ещё двое бойцов сидели за соседним столиком, делая вид, что ужинают. На самом деле каждый из них чувствовал кожей напряжение, висевшее в воздухе, как морозный пар. За окном мело. Косой снег бил в стекло, и от этого ресторан казался ещё более замкнутым, отрезанным от мира. В дверях появился Лернер. Он опоздал на семь минут. Это был жест, и Аслан его оценил: не побоялся, но и не выказал подобострастия. Лернер снял пальто, небрежно передал его гардеробщику и направился к столику один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.